

Политика рассказывания на Дону в 20-30 гг.

Галезник Н., Колесникова Т.,

Коренюгина О., Мардарь В.

г. Новочеркасск

Донские казаки... Еще пятнадцать лет назад казалось, что от них остались лишь воспоминания и эти люди стали частью «великого советского народа», растворились в нем, потерялись. Но благодаря коренным изменениям, произошедшим в жизни страны, стало возможным возвращение к такому вопросу, как возрождение казачества. Наш город, как столица бывшего Войска Донского, оказался в центре этого процесса. Ныне существуют различные точки зрения на данный вопрос. Нас, с рождения живущих на «Тихом Дону», эта тема не может не затронуть, вот потому, для более глубокого ее изучения, мы решили проследить ход событий 20–30-х годов и их отражение в жизни донских казаков, так как именно в этот период произошло разрушение казачества как особой этнической группы.

«Дон-Вандея»

В 1917 году казаки, в общем-то, вначале сохраняли нейтралитет по отношению к новой власти, хотя это было достаточно трудно: на Дон стали стекаться белогвардейские части. Думается, у казаков, в общей массе, не было даже четкого разделения на «белых» и «красных». Но если у донского населения представления о большевиках были довольно расплывчатыми, то у последних к казакам сложилось довольно холодное отношение, здесь сыграл роль стереотип, заставляющий воспринимать казачество как традиционный оплот царизма. К тому же недавнее использование казачьих подразделений для подавления крестьянских восстаний и рабочих забастовок привело к формированию точки зрения, что казаки – сила «антинародная»; в общественных кругах того времени даже появилось такое понятие «Дон-Вандея».

Однако на первом этапе власть попыталась найти с казаками общий язык. Так как Декрет о земле казаков не волновал, то решающую роль приобретали Декрет о мире и согласие на автономию Донской области (Ленин даже подписал телеграмму: «Против автономии Донской области не возражаю»). Мечта о создании самостоятельной республики на Дону, существовавшая еще со времен царей, готова была воплотиться в жизнь – вот оно, долгожданное самоуправление. Так в 1918 году была сделана попытка создать Донскую советскую республику. Предполагалось, что это будет автономное образование, во главе которого станут Подтелков и Кривошлыков. Однако гибель подтелковской экспедиции, начало интервенции и восстания казаков изменили отношение большевиков к данному вопросу. От идеи автономной республики они переходят к идее о необходимости проведения жесткой политики по отношению к казакам, результатом чего стало появление 24 января 1919 года циркулярного секретного письма ЦК «Об отношении к казакам», известного как указ Калинина:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи пришедшей бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришедших иногородних к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания». [2]

Если учесть, что этот документ разрабатывался для Области Войска Донского, то можно увидеть ряд неточностей, открывающий широкие возможности для произвола на местах. Во-первых, никто не определил, каких казаков считать «богатыми». Донская область – край зажиточный, поэтому середняки среди казаков по материальному положению были гораздо благополучнее соседей-середняков из других регионов. А так как их было большинство, то этот пункт указа позволял проводить «массовый террор» против большей части казачьего населения области. Во-вторых, вопрос, в чем заключается косвенная помощь контрреволюции, тоже остался открытым.

А так как на Дон даже помимо воли казаков во время Гражданской войны стекались белогвардейские контрреволюционные силы, то данный пункт тоже давал возможность для сколь угодно широкого трактования. И, наконец, пункт о сдаче оружия тоже можно считать провокационным. Ведь большевики знали, где они вводят циркуляр: не могли казаки, исконно войсковое сословие, так легко сдать оружие. Приказ окружного Совета сдать все огнестрельное и холодное оружие – вызывает бурю негодования. На основе всех этих «недосказанностей» можно предположить, что, вводя этот циркуляр в действие, большевики имели своей целью не подчинение области и наведение в ней порядка, а почти поголовное истребление казаков.

«Максимальная твердость» комиссаров (как правило, не казаков) привела к многочисленным трагедиям. В ответ на жесткие репрессии по краю прокатилась череда восстаний и антибольшевистских выступлений.

В результате большевики были вынуждены официально отказаться от циркуляра и попытаться пересмотреть политику по отношению к казакам, однако от своих позиций отступать они не собирались, меняя лишь тактику их проведения в жизнь. Отказавшись от политики прямых репрессий, большевики начали процесс скрытого расказачивания, стремясь уничтожить именно те социальные черты, которые составляли суть самосознания казаков, и разрушая этим казачью общность.

Голодные двадцатые

А тем временем Дон продолжал ощущать на себе действие указа Калинина и последствия Гражданской войны. Одним из самых ярких воспоминаний у жителей Дона тех лет стал голод 20-х годов.

Конечно, голод был не только в нашей области. Страдало от него и Поволжье. Если рассмотреть общие для двух областей причины, вызвавшие голод, то ими стали засуха и неурожай. Однако, помимо этого, для Донского края можно выделить и другие факторы. Это – отсутствие помощи со стороны государства и невозможность справиться своими силами. По воспоминаниям Евлампии Александровны Бандовкиной с хутора Коныгин, в их хозяйстве были мужчины, благодаря которым выжила семья. Гораздо меньше повезло тем, кто остался без кормильцев, а таких было немало.

От голода страдали все. Газета «Советский Юг» от 31 января 1922 года сообщает: «Голод принял уже ужасающие размеры. В с. Летнем за 5 дней зарегистрировано 7 смертей, в с. Иванке мать зарезала своего ребенка, а сама бросилась в колодезь. Цифра голодающих в нашем уезде достигает 12 000 человек. В Белой Глине умерло 5 душ, в с. Летнем – 13, в Дмитриевке 3, в Ново-Егорьевском – 6. Лошади пали почти все. Население питается всевозможными суррогатами: косапы с кукурузой, курай, зола, полова и проч.»

Анна Ильинична Алексеева с хутора Крымского рассказывает об этом так: «...в двадцатом начался голод. Мы в тот год не смогли подвязать виноград, так как отца не было. Чтобы как-то прокормиться, ели листья вяза, делали кашу из повилики, копали щегульки, дубец, мололи в муку перекати-поле и пекли пышки». Еще несколько подобных рецептов удалось нам узнать у бабушек, живших в то время. Например, Федосья Андреевна в хуторе Коныгине рассказала, что в голод они ели перекати-поле, солодок, из него чай варили, собирали травы. «Соседи наши ели кошек, собак, и все равно умирали от голода», – говорила она. А З.Я. Корнева, которой в ту пору было около десяти лет, вспоминает вот о чем: «Недалеко от нас была рошица. Утром мы вставали, шли туда, пытались отыскать дуб с пока еще целой корой. Если нам удавалось, то на завтрак мы могли получить горьковатые лепешки из этой самой коры (из нее делали муку, смешивали с сухой полынью

и водой)». В хуторе Ольховом нам рассказывали, что в голод ели ракушки, из семечек подорожника варили кисель, из толченной «перекатихи» делали муку, пекли пышки. «А у нас папа сусликов ловил, жарил и говорил, что это «поросятки»... Он и сам умер в те годы: съел, наверное, что-то не то», – вспоминала Валентина Стефановна Щедракова, встреченная нами в хуторе Ольховом.

Голод стал причиной усиления и еще одного социального явления – беспризорности. Вот что значит в документах Сальского окружного исполкома за 1 июля 1924 г.:

«В Донской области в местностях, пораженных неурожаем, население более 15 000 чел. Дети от 1 до 13 лет возрастом – 12% населения, т.е. 97 800 чел. Исходя из того, что 25% населения имеют запасы питания, имеем, что 75% детского населения, т.е. 73 530 детей, требуют немедленной помощи.

В сентябре 50% – 36 675 – 1 руб. 80 коп.

В месяц – 66 015 руб.

Всего потребуется – 1 049 834 руб.

За первую половину 24 года в Ростове было подобрано 3041 беспризорных детей, из них местные – 963.

Всего на борьбу с беспризорностью необходима сумма 1.434.834 руб. Центром отпущено 400 000 руб.». [9]

Как видно из документа, власти на помощь Дону не спешили. Причем эти данные характеризуют «благополучный» 1924 год. Что же тогда творилось в страшном 1922-м? «Советский Юг» (№ 156) сообщает: «На Юго-Востоке насчитывается до 3 млн голодающих, но край не признан официально голодающим, и потому чрезвычайно слаба помощь...» Но разве то, что край не признан официально голодающим, такая серьезная причина? Возможно, здесь роковую роль сыграло опять-таки отношение большевиков к казакам, ярлык, навешенный на казачье сословие. Конечно, безосновательно думать, что голод на Дону был результатом продуманной политики большевиков, просто, спасал от голода крестьян Поволжья, к казакам на помощь советское правительство не спешило.

Еще в самом начале голода попыталась помочь голодающим Церковь, развернув сбор помощи «всем миром». Но в планы большевиков не входило отдавать лавры первенства в борьбе с голодом «бандитам в рясах», влияние на народные массы было слишком ценным, чтобы им делиться. Поэтому, как бы не заметив предложенную помощь Церкви, обвинив ее в бездействии и укрывательстве средств, правительство начинает акцию по изъятию церковных ценностей на помощь голодающим, тем самым ослабляя и дискредитируя Церковь.

Стали закрываться храмы, начались процессы над простыми священниками. Прошел голод 20-х, потом и 30-х годов, а закрытие церквей продолжалось. Всего по области из 426 храмов, существовавших до революции, к концу XX века 322 разрушено, 7 церквей являются общественными зданиями, 47 используются как храмы, 52 – в бесхозном состоянии. К 1939 году в области остался только один действующий храм в с. Кулешовке – Георгиевская церковь.

Мы помним, что среди других черт казачьего характера вера была одной из основополагающих, поэтому, разрушая православие на Дону, закрывая церкви и ведя активную пропаганду антирелигиозного характера, большевики подрывали одну из основ самосознания казаков. На основе этого можно утверждать, что гонение на Церковь на Дону явилось одним из направлений скрытого расказачивания.

У тех, на кого должна была обрушиться лавина репрессий, – и священников, и просто казаков, – был один путь – уехать. Еще одним способом спастись была возможность уйти в город и устроиться работать, причем, как звучит в большинстве воспоминаний, работали обычно на шахтах, наверное, чтобы и не вспомнили об их прошлом. Так, например, прабабушка Оли Коренюгиной З.Я. Корнева работала на шахте им. Чичерина, а потом – на «Углере».

«Исход» казаков в города в целом служил рассредоточению казачества и его оттоку из области. Для сравнения обратимся к приведенным выше цифрам. Если за двадцать лет – с 1897 по 1914-й – доля казачьего населения уменьшилась с 44% до 42%, то по переписи 1926 года казачьего населения было уже только 28%, то есть всего за двенадцать лет правления большевиков их доля сократилась на 14%. Одним из событий, произошедших в то время, стало переименование населенных пунктов и отделение части области. Если

обратиться к карте, то можно увидеть, что из состава Ростовской области в пользу Волгоградской выделили Усть-Медведицкий и Усть-Хоперский округа. Если к 1917 году площадь Области Войска Донского составляла 154 244 км², то современная Ростовская область занимает всего 101 000 км², то есть территорию урезали почти на 1/3. Кроме того, таких названий станиц, как Атаманская, Денисовская, Екатериновка, Граббевская, на карте Ростовской области больше не найти – все, что хоть как-то напоминало о временах царского правления, о бывших атаманах, основателях станиц, было уничтожено, стерто из памяти людей. Станица Платовская получила название Буденновская, Николаевское было переименовано в Зориновку, Великокняжеская – в Пролетарск, Баклановская – в Новоцимлянскую. Это было своего рода психологическим давлением на казачество. Да и как новая власть могла допустить, чтобы люди, которых она пыталась воспитать в коммунистических идеалах, жили в селах с такими названиями, как Потемкинская, Ермаковская, Есауловская, если даже сами названия «станция» и «хутор» ушли в прошлое.

Также в это время ликвидируются традиционные формы казачьего землевладения – станичные «юрты». Однако советская власть не ограничилась даже этим. Во время давления на казаков в области шло перераспределение земель в пользу иногородних. Примером такого «перераспределения» стало изменение процентного состава в землепользовании:

«Крестьянские наделы до революции составляли 15,1%.

Перераспределение земель к 1922 году:

Земель трудового пользования – казаки 42,4%, крестьяне 46,4%». [10]

Но в целом в 20-е годы, в период НЭПа, на Дону, как и во всей стране, наблюдался период ослабления давления на казаков. И хотя на основании всех приведенных воспоминаний и фактов можно утверждать, что продолжался курс на уничтожение сословных элементов казачества, все же казаки получили небольшую передышку от прямых преследований и репрессий.

Тиски казачьей сословности и предрассудки общности интересов всего казачества

Именно против этих двух понятий в казачьем самосознании большевики направили свою политику.

Угрозами и притеснениями людей постепенно отучали называть себя казаками. Как вспоминает З.Я. Корнева, любая связь с казачеством в те годы: преследовалась. Поэтому она долгое время жила под чужим именем («...я только во время войны, в перепись, записалась уже как Зинаида Яковлевна Корнева, а муж меня до конца жизни не Зиной, а Надей звал...»). Когда она оформляла себе паспорт и ей понадобилась справка о социальном положении, она назвала себя рабочей.

Власти поставили перед собой задачу, уже начатую голодом, -разделить казачество, и, воплощая ее в жизнь, прибегли к политике искусственного раскачивания. Вот, например, ответ казакам Усть-Медведицкого района – письмо Донского областного Исполнительного комитета всем окружным исполкомам о классовом расслоении сельскохозяйственного населения на Дону:

«Уважаемые товарищи! Вопрос о том, что представляет из себя население Днобласти, чрезвычайно многих интересовал и интересует по сие время.

Вопрос, представляет ли казачество из себя монолитно-непроницаемую мелкобуржуазную массу или ему свойственны те же группировки (бедняки, середняки, кулаки), как и в центральных губерниях крестьянству, был все время предметом обсуждения. Усть-Медведицкие товарищи неоднократно заявляли, что у них нет в округах ни кулаков, ни бедняков, такие же заявления мы слышали из других округов. Такие заявления абсолютно не верны...

Отрицая отсутствие группировок среди казачества и, естественно, связанного с ним антагонизма, товарищи отрицали необходимость (?) расслоения. Теперь в этом разубедились даже Усть-Медведицкие работники. Классовое расслоение должно проводиться самым интенсивным образом...

Зам. председателя Донисполкома Болдырев

Секретарь Донисполкома Изнашловский». [8]

Советское правительство старалось сделать так, чтобы казачество разделилось между собой, чтобы казаки ассимилировались с прочим населением области, стали такими же, как и все остальные крестьяне. Ведь до этого любой казак, неважно, бедный он или богатый, считал себя прежде всего казаком. Поэтому и определяет руководство основную «задачу партии в деревне» как «изучение состояния и хода развития классовой борьбы в деревне».

«Мало одних хозяйственных мероприятий, нужно усилить политическую борьбу в деревне... Наша партия должна стать вождем классовой борьбы в деревне». [1]

И, пожалуй, к началу коллективизации эта цель большевиками была достигнута: «Вот когда колхоз начался, тут уже, конечно, от нас все отделились, потому что в колхоз только бедняков принимали, таких, как мы, никого не принимали». [6]

Грозные тридцатые

Новый виток раскулачивания приходится на 30-е годы, и связан он был с коллективизацией и раскулачиванием. Раскулачивали, в основном, не пришлое, а именно коренное казачье и крестьянское население, так как им было легче восстановить хозяйство после Гражданской войны. Мы вновь встречаемся с неопределенностью понятия – «кулак». Например, З.Е. Галезник говорила, что семья у них была не зажиточная, а скорее середняцкая, трудовая. Она вспоминает, что, хотя они и жили довольно неплохо, имели крепкое хозяйство, раскулачивания не ожидали: «...нас все знали как трудовых людей, работающих, чтобы прокормить себя и своих четверых детей, мои мама с папой сами работали в поле, но и мы попали под раскулачивание. Раскулачили всех, у кого было более или менее многочисленное и хорошее хозяйство, – приходила комиссия с райсовета, или откуда-то из верхов, и забирали все без разбора и дом тоже, если он новый или большой. Приходили без предупреждения, в любое время суток...» Много еще подобных рассказов можно услышать, если пройти по донским станицам. Люди, с которыми мы разговаривали, с болью в сердце, подробно (до сих пор помнят) перечисляли, какое имущество, скот пришлось отдать в колхоз: «А в 30-м году совсем уже из дома выгнали, все забрали, абсолютно все забрали: и дом, и что в доме, и что во дворе – все-все, исключительно все забрали. У меня солонка осталась, она прошла через все, это единственная вещь, которая осталась с тех времен у меня. У нас ковер был тогда красивый – украли, зеркало богатое в позолоченной раме – разбили на мелкие кусочки, когда раскулачивали. Ну, правда, тогда уже было ничего не жалко». [6] «До раскулачивания жили хорошо: всего было вволю, быков три пары. Сеяли хлеб, держали кур, не резали быков даже в голод, в колхоз вступали сами: жалели скотину бросить, а нас выслали и быков, конечно, отобрали». [4] Даже те, кто сам не попал под репрессии и с самого основания работал в колхозе, говорят, что «раскулачивали самых рабочих людей». Так, например, вспоминает Галина Стефановна Бойдалагина из станицы Раздорской: «...раскулачивали несправедливо! Разве это кулаки? Те, кто этого заслуживал, сами знали и заранее уезжали, а тех бедняков, которые каждую копейку берегли, тех раскулачили. У одного в Константиновке был магазин и здесь два магазина, так владелец продал их и уехал с деньгами, а купившего посадили».

На Дону к 30-му году преобладали середняцкие хозяйства – бедняцких и кулацких хозяйств было сравнительно мало. Кроме того, в области земельный надел превышал средний по черноземной области. Рельеф местности («горы») способствовал занятию виноградарством, для чего нужно большое количество земель, а это не дает правильно оценить принадлежность (или не принадлежность) семьи к кулачеству лишь на основе размера участка земли, находящегося в пользовании. Использование наемного труда на огородах и виноградниках в течение конкретного периода, при подвязке, было традиционным и потому не могло считаться признаком кулачества.

«Семья наша жила до революции неплохо, быки были, 240 кустов винограда, но отказывала семья себе во всем: в доме у нас только одна кровать да стол были... В 30-х нас хотели раскулачить. Но так как мать осталась одна, без мужа, с пятью детьми, то нас не тронули, хотя все вокруг поговаривали: "Кулачить надо, кулачить"». [3] Их семье повезло: не раскулачили, потому что мать была единственным кормильцем детей, хотя иногда не смотрели даже на это.

Но если и выслали по «признакам кулачества», не совсем подходящим под условия нашей области, почему же тогда выселили Бандовкиных, отнюдь не использовавших «наемный труд» да и живших-то не особенно зажиточно?

Вот как рассказывает о начале коллективизации и высылке сама Евлампия Александровна Бандовкина (с ней мы встретились в хуторе Коныгине, она единственная вернулась назад из ссылки): «В колхоз вступили сами, все в город не могут уйти, жалели скотину бросать. Колхоз начали строить зимой. И нас тогда раскулачили, потому что скотины много. Выслали самые рабочие семьи. 9 семей выслали – всех вместе – в Свердловскую область». [4] Совершенно отчетливо прочитывается политический заказ на определенное число выселенных.

Дорога в никуда

Ссылка... Прошло много лет, но рассказы о ней все еще полны подробностей, деталей и настолько ярки, что тот ужас, потрясения, страдания ощущаешь как собственные. Увозили, как правило, без вещей, тут же грабили дома. Кто это делал? Да свои же соседи, позавидовавшие чужому счастью. И от этой мысли становилось еще больнее и горше.

«Из нашей семьи выслали 7 человек. Людей со всех хуторов сгоняли в вагоны. Мужчин повезли вперед, так как они были арестованы за четыре месяца до того и отсидели в тюрьме. Забрали документы, сундуки, при обыске нашли портреты царя, забрали фотографии. Пришли сразу с оружием, вещи забрать не дали, детей и женщин отвезли на быках к вагонам. Все забрали из дома чужие, редкая вещь досталась родным, дома разграбили. Даже те немногие вещи, что взяли с собой на подводы, не дали забрать в вагон. 18 км потом шли пешком. Что говорить... Переворот жизни...» [4]

Воистину «переворотом» стала для людей высылка, отрыв от «родных пепелищ». Евлампия Александровна в разговоре с нами упоминала мало имен, но имена тех, кто отправил ее семью на Урал, одним махом перечеркнул всю жизнь, сломал судьбу, назвала довольно четко. Наверное, не случайно она помнит их до сих пор. Скорее всего, здесь опять все пустили на самотек, на произвол местных властей, ведь Бандовкины даже в колхоз вступили сами, а их раскулачили все равно. Картина поистине потрясает: «За нами пришли ночью 10 февраля 1933 г. Вышибли дверь ногами, начали все громить, ломать, избивать всех без разбора – и детей, и взрослых». [7]

По дороге «туда» (а куда – никто не знал) их ожидали новые испытания, как будто нарочно созданные, чтобы растоптать в людях достоинство.

«6 километров от поезда – монастырь, там в каком-то помещении, среди икон, на приготовленных нарах нас разместили на ночлег. Ехали 11 вагонов, заполненных людьми. На каждый вагон – охранник с карабином, из вагонов не выпускали даже нужду справить. Но девушкам было стыдно делать это в вагоне, так они почти ничего не ели. Ехали долго. Ни есть, ни спать не давали всю дорогу. В Свердловске дали невысокие круглые булки серого хлеба – одну булку на семью. По дороге умирали дети, младшие. Были люди из Крымской и других хуторов. Потом шли пешком 18 километров». [4]

И таких эпизодов, из которых складывалась историческая мозаика тех лет, было множество. Еще одним дополнением к этой страшной картине стали воспоминания Ольгиной прабабушки. Ожидая своей участи, они четыре дня просидели в каменных сараях по-над Доном, где раньше они же и другие казаки хранили хлеб, потом на баржах их сплавили по Дону к деревеньке, где велели оставить все свои вещи. «Ну, мы, что было, снесли, конечно, с собой же не понесешь!» – говорит Зинаида Яковлевна Корнева. А дальше начался самый сложный период пути: «Двадцать пять километров надо было идти от Дона до Сальска, и мы шли. Шли пешие, в августе месяце жара была ужасная. Как хотелось пить, совершенно воды нигде не было – сальские степи все ровные. Как мы шли туда, кто как мог». Очень тяжела была дорога, в пути умирали от жажды дети, жара доводила до беспамятства взрослых. Неудивительно, что в тот момент им было безразлично, какая вода, – любая она стала для них единственной мечтой. «...Мы добежали до какого-то там совхоза («Гигант» назывался), и там скот у них был в совхозе, и место было такое, как ямка, низинка такая, а там водичка – скотину поили. И там скотина, в той воде, и пила, и там же и нужду справляла. А мы, как добрались до той воды, так кто бежал, кто полз, кто как. И вот снимаешь с себя платок, – наверх на воду на эту, и пьешь.

А путь продолжался, правда теперь их повезли уже не по дневной жаре; трудно было и «комендантам» – новыми конвоирами стали калмыки. «У них плоские какие-то арбы, широкие и заложены плетнями, места много, можно было сесть. Днем нас уже не повезли, ждали вечера: невозможно ж было, жара страшная, воды нигде не было». Ехали по ночам, никто не знал, куда, лишь днем, оглядевшись по сторонам, люди могли понять, где они, и попытаться предугадать, что готовит им завтрашний день. Но им с мамой повезло больше, чем остальным, – удалось сбежать.

«Мы решили сбежать. Наш весь «караван», калмыки эти, шли и шли, подвода за подводой, а мы начали отставать. И как видим, что ночь темная, ничего не разглядеть, мы повернулись да и пошли. Отошли порядочно, что нам уже стало не слышно этих калмыков, прилегли там прямо в поле... А утром, как стало чуть-чуть развидняться, так встали и пошли – в обратную сторону». Дошли до поселка, что проехали накануне, и спросили у вышедшей из дома женщины, как дойти до первой станции. Увидев их, обездоленных, измученных дорогой, с единственной корзинкой в руках, сложно было не догадаться, что они одни из тех, кто находился в «караване» калмыков. Им повезло, что женщина, увидев мать с дочерью, оказалась понимающей и решила им помочь: «Вот по этой дороге можно дойти и по этой. Но вы идите здесь, а то там часто правительство ездит». [6] А попался бы им на пути кто-то другой, может, и не удалось бы вырваться из-под «карающей длани».

«И снег бывает теплым...»

Очень тяжело давалось обустройство на новом месте. Повезло, если это лето или рядом жилой поселок. «Домов никто не готовил, привезли к местным жителям, света не было. Потом хозяев (нашим хозяином был Наумов Даниил) выгнали из дома в баню, потом угнали в другую деревню. Восемь месяцев жили в хате, потом дали делать на болоте бараки – домики из фанеры с перекрытием на две семьи». [4]

Иногда женщинам самим приходилось сооружать себе жилье. Так, Зинаида Яковлевна Корнева вспоминала: «...Нас раскидали по земле. На земле на этой мы переночевали, потом нам сказали, чтоб мы себе землянки копали. И вот, нас трое девчат, начали мы копать землянку. Она так рассчитана, чтоб там, только кровать была и больше ничего. Выкопали мы эту землянку и ходили с топором в лес, вырубали длинные такие сохи, чтоб стены держали, и длинную-длинную основную палку. Ветки носили, складывали на эту палку, и получалась такая халабуда. Окон не было, первое время даже дверей не было. Это август месяц был, хорошо, что ни одного дождика не выпало, а если б дождь был, не знаю, что б стало.

А если зима? Холод, снег... без теплых вещей, а на руках дети. Что тогда? «Как сейчас помню, приехали мы на Урал. На месте, где мы должны были жить, были снег и голые сваи. Дерево, доски, мы должны были рубить, стругать и строить дома сами. Началась борьба на выживание. Родители строили бараки – деревянные дома, в которых мы потом и жили. В первый же день встал вопрос, как спасти детей от холода. Родители закапывали нас в снег, чтобы хоть как-то сохранить нам жизнь. Оказывается, и снег бывает теплым». [7]

Жизнь отверженных

Как же жили в тех поселениях – в Сибири, на Урале? В архивных данных, газетах и документах о реабилитации ответа на этот вопрос не найдешь. Воспоминания людей, прошедших через горнила испытаний, проникнуты холодом сибирских зим и болью утрат.

«На другой день мы попали в деревню Березовку, 260 км от Свердловска (нас расселяли по деревням, независимо – с одного хутора или нет). Тут назначили на работу – пилить сосны. Сажали картошку, давали 12 кг муки на рабочего и 4 кг на иждивенца на месяц. Пекли пышки из травы, собирали грибы, ягоды, валили лес на болотах. Зимой занесет снегом, кажется кочка, а ступнешь – по пояс, еле вылазишь. А холодно – постоянно болели!

Вставали рано, работали за 10 км от дома. И бараки колхозные строили там же, ели сыроежки. Многие пытались уйти, – а ну-ка без привычки сосны валить (сосны пилить даже пил не хватало – деревья в три охвата). Но уйти не получалось дальше 260 км: нас поговору отличали – говор-то у нас казачий. Мы тоже пытались уйти, но и нас вернули. Отца в Карпинске расстреляли, потому что он глава семьи и уходить пытался, побег нам устроить.

В Сибири жили до самой войны...» [4]

Нелегко было взрослым, но детям приходилось еще тяжелее. Вот воспоминания Л.И. Бондаренко (когда она говорила о тех страшных годах ее жизни, то не могла сдержать слез):

«Почти сразу же по приезде нашего папочку арестовали и посадили в тюрьму, нам не разрешали с ним видаться, даже нельзя было ничего ему передать. В нашем поселении было много таких семей, чьих отцов посадили за решетку. И мы, вся семья и соседи, приходили к тюрьме и слушали, как она «поет», – только так мы могли узнать, живы ли наши родные или их уже расстреляли.

Мой папа хорошо пел. У него был сильный и красивый голос. И когда мы стояли у тюрьмы и слушали, то среди всех голосов я услышала голос своего родного папочки. Он жив! Он был жив. Они пели строчки из лермонтовского «Узника»: «...вскормленный в неволе орел молодой...» И многие из родных различали среди всех голосов голоса отцов, родные голоса.

А потом однажды, придя туда, мы больше не услышали его голоса, и сколько мы ни приходили – его голос не пел... Его расстреляли».

Смерть родителей становилась тяжелой драмой в жизни детей, оставалась незаживающим рубцом в нежных детских душах. Но даже остаться наедине со своим горем им не давали, пытались принудить отказаться от родных, каждую минуту напоминая о том, что и на них стоит клеймо «дети врагов народа».

«Я пошла учиться в школу, но мне там было тяжело: со мной никто не хотел сидеть, мне рвали тетради, кидали мои вещи по классу. Это был настоящий кошмар, я плакала каждую перемену. Как-то, во время одного из таких конфликтов, меня повели к директору школы. Я попыталась ей рассказать о том, как меня унижают, что я не могу учиться. А она поставила меня на колени и сказала, чтобы я немедленно отреклась от своего отца как от врага народа! Я закричала: «Нет! Это неправда, мой папочка никогда, никогда так не сделает! Он очень добрый! Я никогда от него не откажусь!» Этот ужас продолжался, пока я не окончила школу».[7]

Людей поставили в нечеловеческие условия, начался настоящий «естественный отбор». Мы разговаривали с теми, кто испытал на себе все тяготы того страшного времени и, несмотря ни на что, остался жив. Много ли их? Сложно ответить положительно на этот вопрос. Несравнимо больше тех, кто не смог дожить до указа о реабилитации. Да что там, многие не дожили даже до войны!

Продналог, или Голод тридцатых

А как же жил Дон в те годы? Каким бы большим число сосланных ни было, все же среди населения остались и казаки, хотя признавать себя таковыми никто не решался. Всех пугала возможность быть причисленными к категории «деклассированных элементов». Поэтому интересно было бы узнать, как чувствовали себя те, кто занял место хозяев этого благодатного края, попавших в немилость к новой власти.

Самым лучшим показателем служат воспоминания людей, живших в то время в области. Все они говорят о голоде 30-х, который был не менее масштабным, чем в 20-х годах. Создавались новые рецепты, помогавшие выжить в это тяжелое время: «В 33-м году снова голод был. Мы собирали подорожник, мололи в муку, пышки пекли. А он клейкий: начнешь на этой муке тесто месить, а его не растянешь, как резина! Мать с младшей сестрой ходили к старикам рыбакам, приносили оттуда рыбью чешую, требуху, кости, и вот их варили (или жарили) и ели». [3]

А те, в ком эти страшные годы устранили все нравственные барьеры, решались даже на преступления. «Как-то раз, во время голода в 30-х годах, я приехала на Углерод и, идя по улице, встретила девушку (с ней мы раньше жили в одном хуторе, знакомы с самого детства). Она очень мне обрадовалась: «Зина!.. Пойдем скорей со мной, мама будет рада!» Я ей поверила и пошла. Мы долго шли по каким-то переулкам и в конце концов пришли к какому-то странному дому, он был уж очень запущенный, даже для тех лет. На улице не было людей. Мы зашли в коридор, тут я увидела под занавеской, которая отделяла часть коридора, несколько пар мужских сапог: там кто-то сидел. В доме никого не было, на полу валялись какие-то тряпки, мебели не было, везде страшный беспорядок. Я сразу почувствовала что-то неладное, а здесь вообще стало жутко. Тут моя знакомая схватила меня за руки и попыталась втащить в комнату, причем молча, не привлекая внимания с улицы. Но я была сильнее, поэтому смогла вырваться и убежать. Больше я ее не видела. Позже я узнала, что были случаи людоедства». [6]

Значит, жертв голода было не меньше, чем в 20-е годы, а отсутствие публикаций о нем объясняется появлением строгой цензуры. Однако в рассекреченных фондах ГАРО мы находили множество документов, свидетельствующих о высоком уровне смертности населения в тот период и упоминающих о «многочисленных случаях голода». Там же мы нашли и объяснение этому факту.

«Широкие льготы, данные бедняцкому и середняцкому крестьянству и казачеству новым законом о ЕСХН, предопределяют известное снижение роли сельхозналога в государственном и местном бюджетах. Тем не менее, роль сельхозналога в местном бюджете, благодаря особому характеру его строения, продолжает

оставаться весьма значительной, обязывает во всей полноте исчерпать сельхозналог как доходный источник местного бюджета, обращаемый в первую очередь на нужды культурно-хозяйственного строения деревни». То есть сельхозналог снижен, но в связи с тем, что в области довольно много еще единоличных хозяйств, и к тому же крепких, зажиточных, предлагается «исчерпать сельхозналог как доходный источник местного бюджета». И еще одно положение того же документа: «развернуть массовую досрочную уплату сельхозналога, добившись уже в самом начале напряженного темпа поступлений на уровне, гарантирующем 100%-ный безнедоимочный сбор причитающихся платежей, твердо применяя, при строгом соблюдении классовой линии, законные меры воздействия в отношении неисправных плательщиков». [11]

О том же свидетельствуют и воспоминания очевидцев: «В 32-м, с началом колхозов, вырубил сливы, отобрали все сады и виноградник. Урожай был замечательный, забрали все до зернышка. Опять начался голод. Мы копали корешки, ловили ежей, пекли, ели ракушки. И все равно много людей умерло голодной смертью». [5]

Таким образом, проводимая правительством политика проразверстки и плохое руководство на местах привели к ослаблению низовой сети хозяйств и, в конечном счете, к голоду 30-х годов. Но, несмотря на это, правительство достигло своей основной задачи в отношении Дона: с одной стороны, все же прошла коллективизация, а с другой – казачество и правда постепенно ассимилировалось, растворилось в общей массе, появилась даже привычка называть себя крестьянами. Заключительным этапом стал голод 30-х годов, разрушивший в сознании людей последние нити, связующие их с прошлым. И все же где-то в глубине души у людей, причем, как ни странно, у репрессированных, сохранилось это деление на казаков и русских, какая-то защитная реакция, не позволяющая раствориться в толпе, забыть окончательно о том, что когда-то они были частью Всевеликого Войска Донского. Наверное, поэтому сейчас и стоит вопрос о возрождении казачества: не удалось большевикам до конца разрушить в людях мысль о принадлежности к казачьему сословию.

Итак, чего же удалось достигнуть большевикам политикой расказачивания? А удалось очень много. Казаки, и правда, исчезли не только как военное сословие, но и утратили многие этнические особенности. Быт и многие культурные традиции давно сохраняются лишь в памяти отдельных людей. А ведь у казаков было множество обычаев, по-своему неповторимых.

Кроме того, Область Войска Донского, в сущности, перестала существовать. Пункт указа Калинина хоть через много лет, но осуществился: Дон заняли иногородние, казаков, используя политику выселения, разбросали по всей России, так что и родные люди часто не могут найти друг друга. Даже называют себя казаками люди не всегда. Во всяком случае, то «казачество», которое существует сегодня, сложно назвать казачеством. Мало кто из современной молодежи знает сегодня что-либо о казачьих традициях и желает их продолжать.

Но есть и другой аспект: казаки – войсковое сословие. А нужно ли это их качество в наступившем XXI веке? Этот вопрос нам только предстоит решить.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 3, 2007 г.

Библиографический список

- [1] Внимание деревне! // Советский Юг. 1923. 15 августа.
- [2] Волков А.П. Донские казаки в прошлом и настоящем. – Ростов-на-Дону, 1998.
- [3] Воспоминания А.И. Алексеевой
- [4] Воспоминания Е.А. Бандовкиной
- [5] Воспоминания Е.А. Ивановой
- [6] Воспоминания З.Я. Корневой
- [7] Воспоминания Л.И. Бондаренко
- [8] Восстановительный период на Дону: Сборник документов. – Ростов-на-Дону, 1962.
- [9] ГАРО. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. – «Материалы о детской беспризорности в крае и борьбе с ней». Л. 40. – Документ Донского отделения народного образования.
- [10] ГАРО. Ф.Р-1390. Оп. 6. Д. 100. – Описание землепользования в Донском округе СК в 1925 году по сравнению с дореволюционным.
- [11] ГАРО. Ф.Р-145. Оп. 8. Д. 123. «Проект постановления о контрольных цифрах и директивы о построении бюджета на 1929-1930 гг.».